

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: Э. БАГРИНКОГО, А. БОЛОТНИКОВА, М. КОЛЬЧИНА, П. ЛЕДИНА, А. СЕЛЕНЬКО, И. СЕЛЬВИНСКОГО, М. СУВОЙКО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИВИЧА.

№ 163 (479) | 6 ДЕКАБРЯ 1934 ГОДА | ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

МАСТЕРАМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

Весть о смерти дорогого, любимого Сергея Мироновича Кирова молниеносно облетела завод и охватила скорбью наши сердца.

Классовый враг подлым выстрелом вырвал из славной когорты большевиков одного из верных сынов партии и рабочего класса. Мы, разделяя горе трудящихся всего Советского союза против мерзкого выпада классового врага, обращаемся к вам, мастерам художественного слова, с просьбой написать книгу о жизни вдохновителя пролетарских сердец — СЕРГЕЯ МИРОНОВИЧА КИРОВА.

Среди наших рабочих есть немало таких, которые беседовали с товарищем Кировым, работали и учились у него. Мы обязуемся рассказать вам все, что мы знаем и слышали о любимом Сергее Мироновиче. Мы обращаемся к пролетариям Советского союза с призывом последовать нашему примеру и помочь вам сделать это большое дело.

Создав книгу о жизни и деятельности товарища Кирова, вы дадите возможность сотням тысяч пролетариев, молодым и старым, изучить работу и борьбу славного соратника великого Сталина.

По этой книге будут воспитываться тысячи большевиков-революционеров, будут учиться так же беззаветно нить и работать для революции, как товарищ Киров.

РАБОЧИЕ «ЭЛЕКТРОЗАВОДА»

*Сергей Александрович
Иванович
Петрович
Иванович
Михайлович
Сергей Иванович
Тимофеевич*

СЕГОДНЯ СТРАНА ХОРОНИТ С. М. КИРОВА

Т.Т. СТАЛИН, КАГАНОВИЧ и ВОРОШИЛОВ в почетном карауле у гроба С. М. КИРОВА в Колонном зале Дома союзов.

ПАМЯТЬ О НЕМ БУДЕТ ЖИТЬ

Сегодня на Красной площади у мавзолея величайшего гения человечества — Владимира Ильича Ленина — вождя страны и его соратники, трудящиеся пролетарской столицы, делегации рабочих и колхозников городов и сел Советского союза, лучшие ударники Ленинграда хоронят Сергея Мироновича Кирова.

В старой кремлевской стене, рядом с другими почетными именами лучших борцов за дело рабочего класса, появится имя Сергея Кирова, славного вождя героических пролетариев города Ленина, любимого соратника великого Сталина, замечательнейшего организатора социалистического строительства, выдающегося трибуна революции.

Большевик Киров страстно любил жизнь. Он заражал своим оптимизмом, своей боевой активностью, своей волей к борьбе и победе миллионы строителей социализма. Стреляя в спину Кирова, враг стрелял в нашу новую жизнь, он хотел потушить нашу любовь к ней, он хотел парализовать нашу волю к борьбе и победе.

Но выстрел врага не способен задержать ход истории, он не остановит победного шествия трудящихся, их борьбу за свое счастье. Наоборот, — на выстрел мерзавца, подосланного классовым врагом, страна отвечает грандиозной волной боевой активности, приливом творческой деятельности, бесконечной преданностью и любовью к партии и великому Сталину.

Непобедима наша страна, непобедимо дело социализма. Каждый, кто покушается на это дело, погибнет от суровой карающей руки пролетарской диктатуры.

Смерть Кирова одела в траур города нашей страны... Печальны и суровы лица лучших людей социализма, стоящих в почетном карауле у праха Кирова.

Тов. Сталин поднимет сегодня урну с прахом Сергея Мироновича Кирова и понесет ее на Красную площадь, к мавзолею Ленина, к кремлевской стене — могиле великих коммунаров. Страна склоняет знамена над прахом большевика...

Кирова нет... Но снова вздымаются боевые знамена революции, тверда и непреклонна ее поступь.

Прощай товарищ Киров! Твоя замечательная жизнь, твоя борьба и воля к победе будут вдохновлять миллионы бойцов социализма.

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ

Вторая ночь в Колонном зале. Десять часов тридцать минут. Двадцать четыре часа назад, вчера мы стояли позади прожекторов, и он бросал слепящие лучи на двигающиеся бесчисленные ряды. Тридцать три часа, не прекращаясь ни на мгновение, продолжается траурное шествие.

Трудовая Москва прощается с любимым сыном Советской родины.

Вот прошли строители метро, забрызганные известью. Розовые сапоги выпачканы в яркой глине, в тех пластах почвы, которую только большевики могли потревожить в недрах земли.

Вот отец бережно несет крупного ребенка, и вы понимаете, что в такой вечер, когда рабочей семьей пришла прощальная любовь к любимому товарищу и человеком Сергеем Кировым, в доме не осталось никого, кому можно было доверить ребенка.

Вот — партизан с глубоким рубцом на подбородке. Кто оставил этот след — может быть казачья сабля в боях под Астраханью?

Десять часов. Мгновенная тишина. Поражательная, напряженная тишина сменяет непрерывный шорох шагов у гроба. Точно опущены щиты невидимой брони, такая наступила тишина после тридцати трех часов непрерывного шороха шагов.

Самые близкие друзья и товарищи стоят у гроба.

Десять часов пятьдесят четыре минуты.

Вспыхивают солнца прожекторов. Последний почетный караул: Сталин и Каганович, Ворошилов и Орджоникидзе, Молотов и Микоян, Постышев и Жданов, Чубарь и Петровский.

И настает пять минут потрясающего печального молчания.

Десять часов пятьдесят девять минут.

Последний караул уходит с почетного поста, и великий Сталин — вождь пролетариата всего мира поднимается на ступени, наклоняется и целует своего соратника, друга и товарища.

целует того, кто скоро исчезнет в неослабном огне.

Но огонь не трогает огонь и не сможет испепелить память о пламенном большевике, о мужественном бойце, трибуне и удивительном человеке Сергее Кирова.

Печально и величественно гремит революционный марш, с которым провожали бойцов, погибших в борьбе с роковой и беззаветной любовью к народу.

Но траурный марш сменяется громом «Интернационала», и победный гимн заглушает прорвавшийся в тишине плач.

Алый гроб плывет над головами людей, и через мгновение он на улице, в серебряном сиянии снежинок и в сверкающем кольце прожекторов. Москва прощается с Кировым.

Л. НИКУЛИН.

В 11 час. 40 минут ночи в присутствии членов ЦК ВКП(б), членов правительства, родных, членов ленинградской и ряда других делегаций состоялась кремация тела товарища С. М. Кирова.

ОТ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПОХОРОН СЕКРЕТАРЯ ЦК ВКП(б) И ЧЛЕНА ПРЕЗИДИУМА ЦИК СОЮЗА ССР тов. С. М. КИРОВА

Сегодня, 6-го декабря, на Красной площади состоятся похороны тов. КИРОВА С. М.

Доступ в Колонный зал Дома союзов для прощания с прахом покойного тов. КИРОВА С. М. прекращается в 12 часов дня.

По прекращении доступа в Колонном зале остаются: члены ЦК ВКП(б), члены бюро МК и МК ВКП(б), члены Президиума ЦИК Союза ССР и ВЦИК, члены СНК Союза ССР и члены комиссии по организации похорон — по своим мандатам и родственники покойного.

Представители ленинградской делегации и делегаций республик, кра-

ев и областей проходят в Колонный зал по специальным пропускам.

Вывоз урны с прахом тов. КИРОВА С. М. из Дома союзов состоится ровно в 1 час. дня.

Вход на трибуны Красной площади по специальным пропускам.

Члены ЦК ВКП(б), члены МК и МК ВКП(б), члены ЦИК Союза ССР и ВЦИК, члены СНК Союза ССР, члены Исполкома Коминтерна, члены Комиссии партийного и советского контроля проходят на трибуны по своим мандатам.

Доступ на Красную площадь прекращается ровно в 12 час. 30 мин.

В виду морозной погоды участие детей в похоронной процессии и демонстрации районов не допускается.

КОМИССИЯ.

О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ ГОРОДА ВЯТКИ В ГОРОД КИРОВ

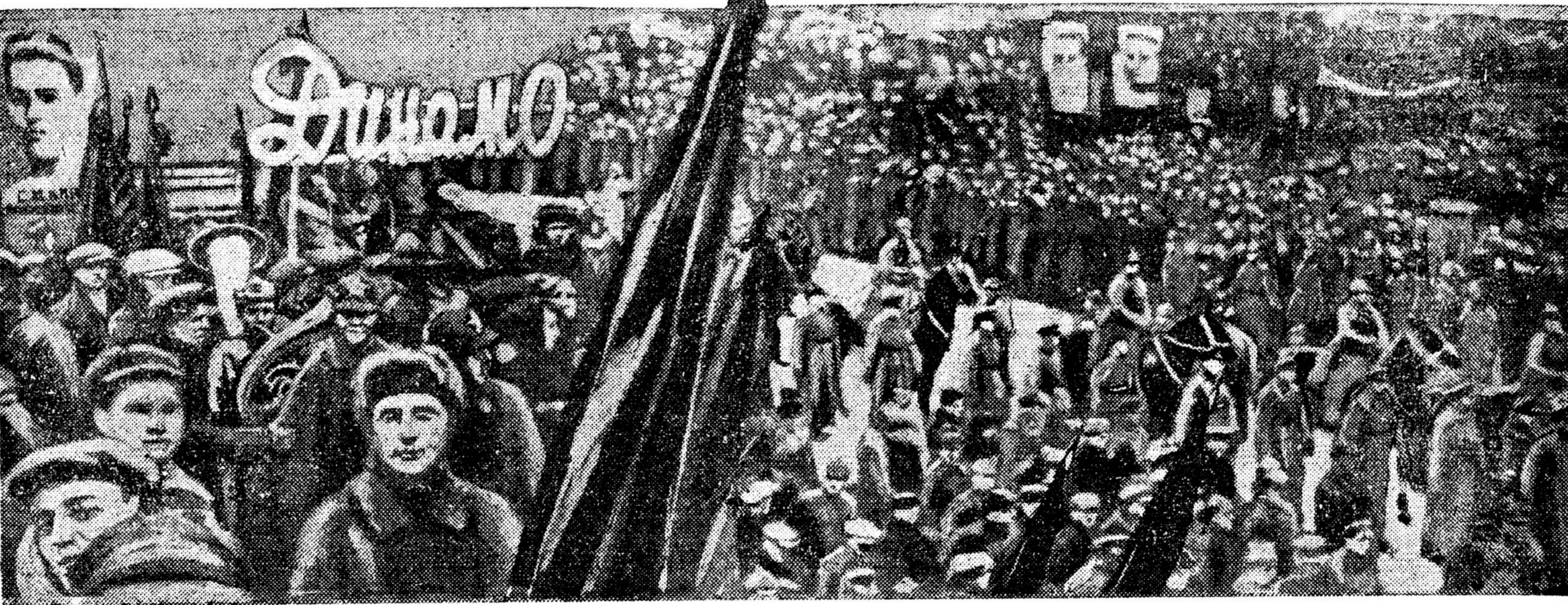
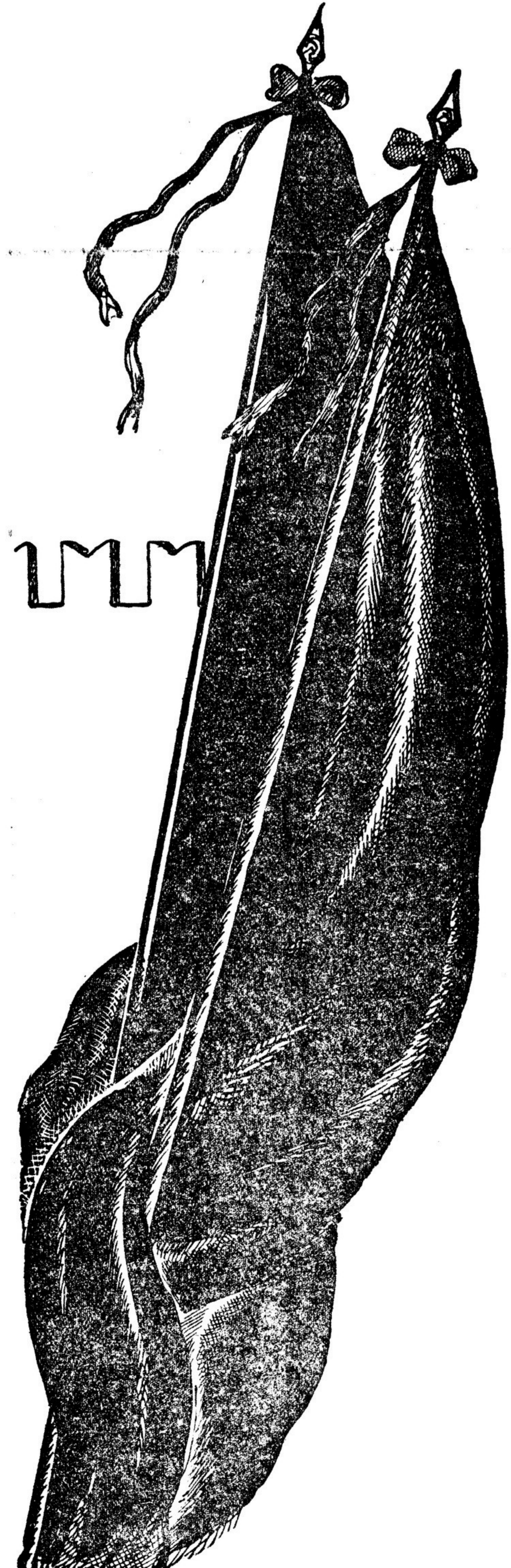
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР

В связи с многочисленными ходатайствами, поступившими в Президиум ЦИК Союза ССР от рабочих, работников и трудящихся гор. Вятки, а также рабочих железнодорожного узла о переименовании гор. Вятки — родины Сергея Мироновича КИРОВА — в гор. КИРОВ,

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет: Переименовать гор. Вятку в город КИРОВ.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР М. КАЛИНИН. Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР А. ЕНУКИДЗЕ.

Москва, Кремль. 5 декабря 1934 года.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

... Последний пленум Центрального комитета большевистской партии перевернул еще страничку книги новой и замечательной социалистической действительности...

И вдруг выстрел в коридоре Смольного! И сразу точно молнией выстрел этот осветил прошлое...

... Володарский... В первые годы Октября, когда власть революционного пролетариата начинала складываться как организованная сила...

... Володарский и Киров... Две фигуры, как две эпохи... Годы отчаянных боев с белоохранительщицей, годы заговоров, голода, апархии, стихийных катастроф и пожаров...

... Это годы Володарского, пламенного оратора и бойца, человека, энергии которого не было пределов в 24 часа обычных суток...

... Пуля сразила его, запечатлев кровью большевика — члена Центрального комитета партии — переход революции в наступление; беспощадную расправу с врагами пролетарского дела, красный террор, организацию армий и фронтов дисциплинированных бойцов Красной армии...

И — Киров... На бывших ленинградских торговых рядах до сих пор сохранился громадный плакат с планом города и словами: «Сделаем Ленинград полицией социалистическим городом (Киров)»...

Плакат и план были повешены к дням XVII годовщины Октября... а сейчас, в дни последнего прощания с телом вождя и друга — слова его озабочены новым глубоким смыслом...

Пуля сразила его, сразу напомнив всем нам, что есть еще терновник на нашем пути, что рано терять близость и зоркость, что голова змеи еще может в предсмертном своем содрогании укусить!

Растет город Ленинград! И станет он городом социализма. И в социалистическом Ленинграде на двух самых его больших площадях увидим мы, по воле Октября, два памятника: Володарскому и Кирову.

знали, как прост товарищ Киров в обхождении с людьми, обрадовавшись к нему за советами или помощью, как мудр и конкретен в своих решениях и планах, как хорошо знает он этот громадный город, каждый уголок которого несет на себе печать хозяйского, внимательного глаза Сергея Мироновича...

— Сегодня на спектакле будет Киров...

И через десять минут он сидел в ложе, внимательно всматриваясь в происходящее на сцене... Шел «Страх». Сергею Мироновичу очень понравилась Е. П. Корчагина-Александровская, и в антракте он долго и любовно говорил о созданных ею образе старой большевички...

... И мне пришлось слышать уже в Москве, как Сергей Миронович горячо и убедительно доказывал товарищу Сталину, с которым вместе смотрел «Страх» по МХТ I, что «пана ленинградская Клара лучше, она настоящая, убедительная»...

В антракте Сергея Мироновича спрашивали о многом, он отвечал всем внимательно и спокойно, не забывая возвращаться к теме спектакля каждый раз, как только представлялась возможность.

Тогда же он поднимая разговор о капитальном ремонте б. Александринского театра, успев заметить протестный бархат локтя, тусклому от времени позолоте резбы, кустарную технику сцены («переставляет вы долгие, публике устает в темноте сидеть»)...

Пуля сразила его, сразу напомнив всем нам, что есть еще терновник на нашем пути, что рано терять близость и зоркость, что голова змеи еще может в предсмертном своем содрогании укусить!

Растет город Ленинград! И станет он городом социализма. И в социалистическом Ленинграде на двух самых его больших площадях увидим мы, по воле Октября, два памятника: Володарскому и Кирову.

Приговоры Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР

по делам о белоохранительцах-террористах

по Ленинграду

Имущество всех конфисковать.

Выездная Сессия Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР в составе Председателя тов. Матюевича и членов Коллегии Дмитриева и Рычкова рассмотрела в г. Ленинграде в закрытом заседании от 5-го декабря с. г. дела по обвинению: Ларина И. И., Хлусова М. И., Транковского П. М., Транковского С. М., Богомолова А. И., Китана Э. И., Петрова П. Т., Далева Г. Д., Лабинского А. П., он же Георгиев П. П., Стоянова П. И., Азусова И. И., Стоянова Х. М., Кирилова И. И., Петрова Г. Т., Егорова Г. А., Ключова В. С., Слатинского Ю. М., Курянова-Бергера М. Ф., Гурина С. О. он же Сурин Н. Л., Фадеева А. И., Николаевского Ю. М., Оли А. А., Николаевского В. М., Владимиров Н. В., Чуканова Н. М., Додонова Г. И., Устругова Д. Д., Афанасьева Б. Г., Майер Н. Н., Иванова А. И., Григорьев З. Г., Григорьев Г. Г., Чинова А. М., Антонова П. С., Ноздрюнова А. К., Дубова Г. Д., Маслягина Н. И., Комарова Н. С. — в подготовке и организации террористических актов против работников Советской власти.

Суд установил, что большая часть обвиняемых проникла в СССР через Латвию и частично, через Финляндию и Польшу, имея задания по организации террористических актов.

Руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК, постановлением ЦИК СССР от 1-го декабря с. г. и ст.ст. 58/8 и 58/11 УК. — Выездная Сессия Военной Коллегии постановила:

Ларина Иван Николаевич, Хлусова Михаил Иванович, Транковский Петр Михайлович, Богомолов Александр Иванович, Китана Эмильевич, Иосифович, Петрова Елена Тенюва, Далева Мария Павловна, Лабинский Антон Павлович, он же Георгиев Петр Параскович, Стоянова Петра Марьяновна, Азусова Исаака Иосифовича, Стоянова Христо Марьяновна, Кирилова Иван Кировича, Петрова Мария Георгиевна, Егорова Григория Константиновича, Курянова Александра Георгиевна, Слатинского-Курянова-Бергера Михаила Федоровича, Гурина Сергея Осиповича, он же Сурин Николай Иванович, Николаевского Юрия Михайловича, Николаевского Александра Ивановича, Оли Николая Августовича, Николаевского Владимира Михайловича, Владимиров Николая Владимировича, Додонова Григория Ивановича, Устругова Дмитрия Дмитриевича, Афанасьева Бориса Георгиевича, Майер Николая Николаевича, Иванова Алексея Ивановича, Григорьев Эрнеста Густавовича, Григорьев Густавовича, Антонова Павла Степановича, Ноздрюнова Александра Кузьмича, Дубова Герасима Дмитриевича, Маслягина Николая Ивановича, Комарова Николая Сергеевича. — РАССТРЕЛЯТЬ.

Дела Чуканова Николая Михайловича, Чинова Алексея Михайловича — выделены для доследования.

ПРИГОВОРЫ ПРИВЕДЕНЫ В ИСПОЛНЕНИЕ.

ПО МОСКВЕ

Военная Коллегии Верховного Суда Союза ССР в составе Председателя тов. Ульриха и членов Коллегии Горючева и Зарнова рассмотрела в г. Москве в закрытом заседании от 5-го декабря с. г. дела по обвинению: Васильева П. В., Румянцев А. А., Познякова А. Н., Боброва Б. Д., Панех И. И., Строганова С. С., Сидоренко И. В., Сидорова Н. Ф., Манухова Н. К., Кальвенас Ю. Ю., Ивановского М. И., Сидорова В. Н., Инушевского Е. С., Глопенко А. М., Реняйкин Д. Х., Булыгинский З. Г., Розенберг И. Х., Карниченко Б. В.; Панюшина И. Д., Злобнова-Веткова П. Н., Эйсмонт К. Н., Волкова В. В., Севастьянова С. Г., Штоклинка Н. Р., Сасс М. М., Нефедова В. Н., Репенко И. Х., Пруткина А. М., Сергеева А. А., Карнаухова И. А., Нозлова А. А., Хабленко Д. А. — в подготовке и организации террористических актов против работников Советской власти.

Суд установил, что значительная часть обвиняемых проникла в СССР через Польшу и частично, через Латвию, имея задания по организации террористических актов.

Руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК, постановлением ЦИК СССР от 1-го декабря с. г. и ст.ст. 58/8 и 58/11 УК. — Военная Коллегии Верховного Суда постановила:

Васильева Павел Владимирович, Румянцев Андрей Николаевич, Позняков Борис Дмитриевич, Панех Иосиф Давидович, Строганов Степан Сергеевич, Сидоренко Иван Васильевич, Сидорова Никиту Фроловна, Манухова Константина Константиновна, Кальвенас Юрий Юрьевич, Сидорова Василия Николаевича, Кнушевичко Евгения Степановича, Глопенко Андрея Мартыновича, Реняйкин Дана Германовна, Булыгинский Зинаид Георгиевич, Розенберг Константин Христианович, Панюшина Иван Дмитриевича, Злобнова-Веткова Петра Николаевича, Эйсмонт Константин Васильевич, Волкова Виктора Самуиловича, Глопенко Николая Романовича, Сасс Михаил Мироновича, Нефедова Василия Никитича, Репенко Ивана Харитоновича, Пруткина Африкана Матвеевича, Сергеева Федора Афиногеновича, Карнаухова Ивана Акимовича, Нозлова Алексея Александровича. — РАССТРЕЛЯТЬ.

Имущество всех конфисковать.

Дела Иванова Мелеслава Ивановича, Карниченко Викентьевича, Хабленко Дмитрия Ануфриевича — выделены для доследования.

ПРИГОВОРЫ ПРИВЕДЕНЫ В ИСПОЛНЕНИЕ.

(ТАСС).

Тов. СТАЛИН у гроба С. М. КИРОВА во дворце Урицкого.

Бор. ЛАВРЕНЕВ

СУДОРОГА ОТЧАЯНИЯ

Голос Всеволода Вишневского, какой-то непохожий и придавленный, казался в трубу... Борис... Сергей в Смольном белоохранительцем убит Сергей Миронович Киров.

«В Петрограде убит М. С. Урицкий... В Москве тяжело ранен вождь пролетариата В. И. Ленин».

Несмотря на всю грозную оглушительность этих мрачных известий, они не были чрезмерно нежданными. Молодая советская земля горела и дождилась воя войнами в громе ожесточенных боев. Смет пуд даже на московских улицах так же привычен, как полет мухи. В этой накаленной атмосфере предательская рука в любую минуту могла послать пулю из-за угла.

В первый раз за долгую практику заслуженные банкетцы просчитались. Расчет на сматание, паннику, растерянность не оправдался. Ибо, впервые от сотворения мира, прокатная подлая лапа террориста, направившая браунинг в сердце члена правительства, столкнулась с правительством, представляющим миллионы, с правительством, в котором на смену одному папашему вставали десятки новых бойцов, зажженных горячей кровью отбоя.

Не паникой и сматанием, а железной оспайкой, суровой организованной армией отнята только что рожденная республика на выстрелы, направленные в ее вождя. Ответила сокрушительным ударом не по отдельным продажным гадам, а по всему раздланному, но еще кусающему из-под каблука полному классу паразитов и эксплуататоров.

Это было так неожиданно для вдохновителей и исполнителей гнусных замыслов, что они не так живо в белой газете отрывали из своих «слепнигов» того времени, обложившая многозначительной фразой:

«Нам пришлось задуматься над политикой боевых выступлений. Смерть Урицкого и ранение Ленина не только не вызвали сматания в рядах большевиков, но вызвали волну такого истолкованного кровавого террора, которая грозила погубить все живые силы России. В результате этого террора мы, даже в случае свержения большевиков, могли бы получить вместо страны пустыню, населенную дикарями».

Мы знаем, конечно, какая роль считалась «живыми силами России» в понимании этого оверседого палача, но характерно пессимистическое признание, что с большевиками путем террора ничего не поделаешь.

Тов. СТАЛИН у гроба С. М. КИРОВА во дворце Урицкого.

И они поняли самые оголтелые мозги из черного стана. Индивидуальный террор ушел из нашей страны за рубеж, где избрал своей мишенью наших дипломатических работников.

И наша родина идет путем великой стройки социализма и перестройки человечества, орудившая долгие годы ненавистией, но бессильной свистопляской врагов, идет любя от успеха к успеху, став самой мощной и самой животворящей силой в истории человечества.

Вместо неистовой ругани мы стали слышать похвалы. Похвалы разного свойства. Произносимые сквозь зубы, вынужденные и похвалы искренние. Похвалы язвилье и похвалы восторженные. Признания врагов и признания друзей.

Но ненависть старого мира не умерла. Нежданно и негаданно раскрывалась шипящая гадючья пасть, и из древней гадюшки брызнул в одно из лучших сердец нашей страны.

Пуля предателя вырвала из непоколебимых рядов соратников Ленина одного из вернейших, одного из беззаветнейших, лучшего друга и брата ленинградского пролетариата — Сергея Мироновича Кирова.

По как и в восемнадцатом году, прокатывая пуля предателя, пронизавшая голову Кирова, не пробояла большевикское сердце партии, большевикское сердце страны. Ни сматание, ни растерянность не внесла и не внесет смерти нашего друга в дело нашей родины.

Новым сокрушительным ударом по всей контрреволюционной мрази, по черному гнезду, питающему своими ядами измену, предательство и убийство, ответим мы в возмездие за смерть великого большевика.

Мы знаем, что движение омерзительной руки, поднявшей револьвер на уровень головы Кирова, это коварнейшая судорога отчаяния издыхающего зверя.

Капли кипающей крови Сергея Кирова, брызнувшие на боевое знамя ленинской партии, еще ярче зажгли его полыхающее для грядущих битв.

В. БИЛЛЬ - БЕЛОЩЕРКОВСКИЙ

БУРЯ ЧУВСТВ

Разве можно выразить словами всю бурю чувств при вести о гибели товарища Кирова? Разве можно словами выразить всю скорбь и боль при мысли о потере одного из лучших сынов нашей партии, одного из преданнейших борцов за дело революции?

Разве можно словами выразить всю ярость и омерзение к классовому врагу, лишившему нас в лице товарища Кирова величайшей ценности нашей партии?

Мало сказать, что Кирова любил пролетариат города Ленина, его трудящая интеллигенция. Киров был гордостью ленинградских трудящихся, о нем говорили, как о подлинном вождя масс, авторитет которого был заработан всей его жизнью и деятельностью. «Наш хозяин...» называли Кирова ленинградцы, и сколько теплоты и сердца вкладывалось в эти два нехитрых слова. Потому что все

Заводы, фабрики, дома, улицы, театры, вопросы культуры, планового хозяйства... да, это новая эпоха пролетарской революции, эпоха уверенного закрепления ее побед, эпоха реализации памятных лозунгов первых лет... вся жизнь развертывается в новом, невиданном цветении сил, освобожденных для мирного созидательского труда... Киров и Ленинград...

Мало сказать, что Кирова любил пролетариат города Ленина, его трудящая интеллигенция. Киров был гордостью ленинградских трудящихся, о нем говорили, как о подлинном вождя масс, авторитет которого был заработан всей его жизнью и деятельностью. «Наш хозяин...» называли Кирова ленинградцы, и сколько теплоты и сердца вкладывалось в эти два нехитрых слова. Потому что все

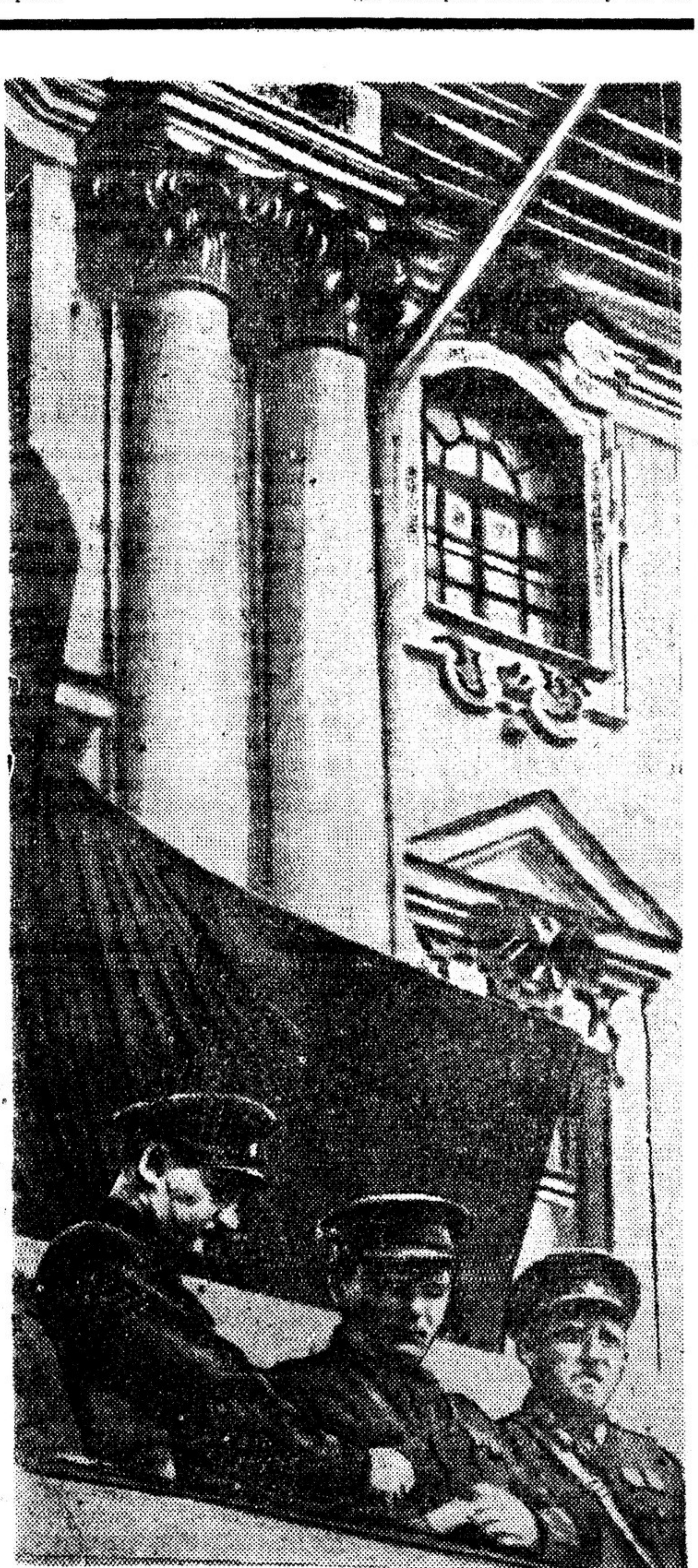
Он, Сергей Миронович Киров, был поистине замечательным, великим оратором нашей страны. Страсть, без примеси какой бы то ни было истеричности и псевдопатетики. Нескупная логика в ороне ясного, выразительно произносимого слова, слышимого в самых далеких уголках зала. Правда голоса, — если можно определить так: свой, кирровский, — возмущающий голос — говорил ли с товарищами за столом или на громадном собрании путников, душевный юмор, сменяющийся коротким выпадом сарказма по адресу врага, бездельничка или гауна, образцовые речи, рожденная примером, наглядным для всей аудитории именно в этот момент, — все это огроное дарование Кирова-вождя. Кирова-трибуна. Кирова-учителя партии чувствовали и знали пролетариат города Ленина.

Он был замечательным мастером интонации, и жест его, осязкой и сдержанный, был слит с ней в одно целое: это то состояние оратора, которое должно, обязательно должно уже соединиться и всей его аудиторией. Волновой стиль его речи до пределов «университетского» внимания слушателей, делал его «музыкальным», терпким — и это мудрый, намеренный кирровский трюк, и четко звучало за пределами зала, в деках, на верхах, в красной казарме, в университетской аудитории.

Теперь вспоминаешь все это. Забыть на минуту о случившемся и жести, словно, что вот при случае, светлым случае, вновь увидишь и услышишь прекрасного человека нашей частичной и прекрасной эпохи... Нельзя ничего забывать!

Проклять тебе, человек черной души, Леонид Николаевич! В коридорах Смольного, где каждый партийный вояка хранил на себе следы великих шагов революции, ты подкарауливал в этот день того, кто любил имя Кирова, она помещена на самом драгоценном и почетном своем знамени.

Он вышел из своей рабочей комнаты. Он погружен был в свои думы. Через два часа он должен был взойти своим обычным размеренным шагом на массивную корчневую трибуну, на свою кирковский трибуну. Его ждали сегодня там. Ему если не вернуть свою преданность товарищей и соратников, верность и радость друзей, силу и любовь строгейшей во-

С. М. КИРОВ на площади Урицкого 1 мая 1934 г.

Мих. КОЗАКОВ

КОМАНДАРМ СОЦИАЛИЗМА

В тот день, в тот черный день лучшей коммуны города торжественно сжигали и сжигали же дощичку Урицкого. Каждому хотелось занять место поближе к хвосту корчневой трибуны, с которой он, Киров, поведает всем о последних решениях партии — о повороте плечушке ее Центрального комитета.

О, как ушел он, Киров, словом своим показав каждый раз мысль и волю партии! Он — ушел. Он делал это свободно и точно. Слова его не мешали его мыслям, как это бывает часто с другими ораторами, не ставившимися поперек им и, тем самым, — трепещущему слуху тысячной аудитории: она делала кирковский слово-мысль, она выбрала это слово, широко, пастелью отрывая все слово видения.

Он, Сергей Миронович Киров, был поистине замечательным, великим оратором нашей страны. Страсть, без примеси какой бы то ни было истеричности и псевдопатетики. Нескупная логика в ороне ясного, выразительно произносимого слова, слышимого в самых далеких уголках зала. Правда голоса, — если можно определить так: свой, кирровский, — возмущающий голос — говорил ли с товарищами за столом или на громадном собрании путников, душевный юмор, сменяющийся коротким выпадом сарказма по адресу врага, бездельничка или гауна, образцовые речи, рожденная примером, наглядным для всей аудитории именно в этот момент, — все это огроное дарование Кирова-вождя. Кирова-трибуна. Кирова-учителя партии чувствовали и знали пролетариат города Ленина.

Он был замечательным мастером интонации, и жест его, осязкой и сдержанный, был слит с ней в одно целое: это то состояние оратора, которое должно, обязательно должно уже соединиться и всей его аудиторией. Волновой стиль его речи до пределов «университетского» внимания слушателей, делал его «музыкальным», терпким — и это мудрый, намеренный кирровский трюк, и четко звучало за пределами зала, в деках, на верхах, в красной казарме, в университетской аудитории.

Теперь вспоминаешь все это. Забыть на минуту о случившемся и жести, словно, что вот при случае, светлым случае, вновь увидишь и услышишь прекрасного человека нашей частичной и прекрасной эпохи... Нельзя ничего забывать!

Проклять тебе, человек черной души, Леонид Николаевич! В коридорах Смольного, где каждый партийный вояка хранил на себе следы великих шагов революции, ты подкарауливал в этот день того, кто любил имя Кирова, она помещена на самом драгоценном и почетном своем знамени.

Он вышел из своей рабочей комнаты. Он погружен был в свои думы. Через два часа он должен был взойти своим обычным размеренным шагом на массивную корчневую трибуну, на свою кирковский трибуну. Его ждали сегодня там. Ему если не вернуть свою преданность товарищей и соратников, верность и радость друзей, силу и любовь строгейшей во-

вого человеческого счастья. Ему — командарму великой армии бойцов за социализм. Ему — лучшему из лучших нашего, слабой покорного, города. Ему — плечо о плечо отомше-рым рядом с великим Сталиным, вождем героических пролетариев.

Ему и его партии после все мы навстречу свои сердца, мысли, силу, талант, умение, волю к победе. Это был наш праздник, и люди, спешившие к Дворцу Урицкого, старались различно одеться, были веселы, бодры, уверены в себе, — ведь так живет теперь после многих лет депортации вся наша необъятная победоносная страна!

Ты знай, убийца, что это наш праздник! Ты подкарауливал того, кто в громадном зале пролетарского знора должен был оторвать этот праздник партийной мысли, рожденной новым великим делом народа. Ты хотел увидеть затылок нашего Кирова, потому что, — подлый трус и гадина! — ты не рискуешь, — да, не рискуешь, не мог уже сморгнуть в кирковские глаза: свет величия наших дней, освещающий ослепительную дорожку в будущее человечества, был страшен тебе, человек черной души, человек из черного прошлого... Ты увидел затылок и, подкараулив по-змеинному, протянул руку с влажной ладонью в леве револьвером. Ты выстрелил — и оправдал черные надежды тех, кто послал тебя стрелять, чтобы сразить командарма революции, чтобы потрясти диктатуру пролетариата, чтобы убить радость нашей жизни. О, если бы знать тебя раньше, трижды ненавистный Леонид Николаевич!

Нет, ничего нельзя забывать... Ни смерти Володарского, Урицкого, Кирова, ни гибели безымянных сельских райборцов, ни подлых предателей революции, убогающих к нашему врагу. Что бы лучше творить нашу жизнь — пусть память не один раз обмывает мертвые прошлые!

Страну социализма не убить, не разрушить выстрелом фашиста-террориста, — мир в эти дни увидел гнев миллионов, которые никому не отдадут своего настоящего и сберегут для потомков будущее. И если нужно будет, то... пулемет — на пулемет, на гранату — граната, огонь — на огонь, и... ненависть — навстречу ненависти, цель — навстречу цели.

...Не одна горячая слеза человеческого горя и потрясения вытекла из глаз в три черных декабрьских дня, покрытых тяжелым трауром город, промывавшийся со своим любимым «Мирничем». Это были слезы сердца. Так плакала еще в первый раз тогда... в памятные суровые январские дни, почти ослепляющие лет назад, в зловоние мятельные дни смерти великого гения, имя которого по справедливости дала история нашему городу. И теперь: не скрыть слезу, как и не утратить ни перек нам нашей утери. Это об этих слезах толкара и миллионера, академника и трамвайной кондукторши, школьница и прядильщицы народной артистки республики и прозаика газет, ваборника и молодого поэта, домохозяйки и ближайшей соратника погибшего Сергея Мироновича, инженеря и пылота, — это

об этих слезах народа старый питерский рабочий Красильников сказал, и весь город Ленин повторил: «Мы, большевики, не проливаем слез по-просту; наши слезы — это большая угроза врагу!»

Враг отнял у нас Кирова, но страна ответила всем нашим врагам: «будем охранять наших вождя, как боевое знамя на поле битвы» — это стало нашей клятвой над гробом великого сына народа. Нет, не отнять у нас радости и силы, не отнять ножи и могущества миллионов строителей прекрасного настоящего и счастливого будущего, — это тоже стало клятвой всей нашей социалистической родины. Есть это и будет!

...Вот это и будет... Безжалостный, заставлявший Киров, лежащий в гробу, словно в последний раз внул эту непоколебимую веру всем тем, кто день и ночь проходил, затаив дыхание, мимо его печального гроба. Пять минут в почетном карауле у гроба Сергея Мироновича, — этой высокой клятвы, выпавшей на мою долю, мне не утратить в своей памяти и сердце. Честь эта рождает обязательство, — я принимаю его на себя и отдаю его вместе со своими силами друзьям и товарищам, посланным меня в гробу Кирова: соберем любовно все, что оставил он о себе в памяти трудящихся, вглядываясь в горячие слезы его шагов, оставленные на долгом его пути служения рабочему классу, революции и социализму. Соберем, вглядываясь — и тогда покажем, воспользуемся на страницах нашей книги великого героя нашей эпохи.

Друзья москвичи! Сегодня в рядах московского рабочего класса вы будете проводить в последний путь лучшего человека из города Ленина. Ступня мира трудящихся примет прах его, чтобы замуровать в пролетарской стене героев, покрытых неуязвимой слабой борьбы за подлинное счастье человечества. Друзья, товарищи! Прощайте с Кировым и от нашего имени. Скажите: Ленинград — кирковский вышка международного пролетарского дела — залегает в честь своего вождя новые, бесстрашные огни энергии, революционной страны и сталинской воли к победе. Одним из этих огней пусть будет творчество тех, кто утонул у Кирова борясь своим оружием за дело партии, за победу социалистической культуры.

Прощайте, Сергей Миронович! Страшно, невероятно больно оказывать вам это «прощайте»... И слова сумерки сплутались. Дорога скорбная длинная... Страна окликает: «Все ли простились?» И мы отвечаем: «Все! Страна!» Да, — все, страна...

Обнажьте головы, современники: шесть дней вы не будете горячо правдивое сердце командарма социализма — большое сердце Сергея Кирова!

Пусть лежит оно, священное, на ладони нашей родины — как компас истории, показывающий путь победы! Ленинград (передано по телефону)

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЧЕСТЬ

Я никогда не слышал твоего голоса, товарищ Киров. Сегодня я впервые увидел тебя: ты лежал среди пальм и хризантем, залитый ярким светом...

Твое имя, Сергей Миронович Киров, встало передо мной во весь рост, и я вижу тебя всюду, куда бы ни взглянул. В эти незабываемые дни, в эти ледяные ночи...

Тов. тов. СТАЛИН, КИРОВ и КАГАНОВИЧ 1932 Г. МОСКВА, ФИЗКУЛЬТУРНЫЙ ПАРАД.

КИРОВ НА ТРИБУНЕ

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛ В СВЕТ СБОРНИК СТАТЕЙ И РЕЧЕЙ С. М. КИРОВА. НАЖДАЯ СТРОКА ЭТОЙ КНИЖКИ — ОРУЖИЕ В БОРЬБЕ ЗА СОЦИАЛИЗМ. КАЖДОЕ СЛОВО Т. КИРОВА — О ПАРТИИ, О РОДИНЕ, О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА.

Вот как просыпаются силы нашей многомиллионной страны

Сейчас почти нет такого места в нашем Советском союзе, которое не было бы связано к жизни большевистской рукой.

Нужно уметь сочетать теорию со знанием практики жизни

На большой митинге молотят человек 50. Перерыли не потому, что митинг был сплоск, а обиделись перевертышам.

... Что остается делать всем тем, которые были в обозе?

... Вы знаете, товарищи, что во всякой войне, а в том числе, оказавшейся в той войне, которая велась за строительство социализма...

Только Советский союз является подлинным носителем культуры и прогресса

Он и кичится своей старинной культурой и цивилизацией, он говорит, что мы — варвары и остальные люди.

И для беллетристики надо время найти

Некоторые ответственные работники подчас хвалятся тем, что не читают беллетристики.

Никому не позволим тронуть нашу советскую землю

Политика мира подняла на невиданную высоту авторитет Советского союза в глазах трудящихся всех стран.

Большевистская голова кружится ни в коем случае не должна

Нам надо не унывать победами и завоеваниями, которыми мы имеем, мы не должны допустить того, чтобы у нас от этих успехов закружилась голова.

Наша страна — единственное отечество мирового пролетариата

Надо быть слепым, чтобы не видеть, что мы по-настоящему, не на словах, а на деле зажигаем пожар мировой революции.

Мы сумеем вопросы теории марксизма-ленинизма поднять на должную высоту

И сейчас, когда «идея штурма зреет в сознании масс», когда во всем мире поднимается волна революционных боев...

В АСТРАХАНИ

С Кировым связан целый кусок моей жизни. 1918—19—20 гг. мы были в одной армии, и Сергей Миронович Киров был нашим вождем, другом, товарищем, самым близким и дорогим человеком для каждого из нас, знавших его.

И через некоторое время мы увидели, как мы переменились, как изменилась наша Красная армия — и в результате нашей победы.

Арх. К. АЛАБЯН С. М. КИРОВ В ТИФЛИСЕ

Вся страна скорбит сегодня по поводу смерти большого человека, выдающегося революционера, талантливого руководителя — Сергея Мироновича Кирова.

Киров на жартином языке. Он выступал тогда по важнейшим вопросам нашей партии. Его необычайно сильное ораторское искусство, почти непрерывное по силе своей железной логики и убедительности, никогда не забывается теми, кто хоть раз слышал товарища Кирова с трибуны.

А. ШЕРБАКОВ ПОРОХ ДЕРЖАТЬ СУХИМ!

Нашу партию, рабочий класс, нашу страну постигло большое несчастье. От руки подлого убийцы погиб памятный боестратегический боец коммунизма, любимый руководитель ленинградских пролетариев, один из вождей нашей партии, ближайший соратник тов. Сталина — товарищ Киров.

Потеря тов. Кирова является самой тяжелой за последние годы. Но память о тов. Кирове будет вдохновлять пролетариат и всех трудящихся на борьбу за окончательную победу социализма.

Так хочется жить и жить

Успехи действительно у нас громадные. Чорт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить. На самом деле, посмотрите, что делается. Это же факт! (Речь на XVII съезде ВКП(б).)

... Мы эту клятву выполняем, мы эту клятву и впредь будем выполнять

Товарищи, десять лет тому назад мы похоронили того, кто создал нашу партию, кто создал наше пролетарское государство. Но тоже десять лет тому назад устами лучшего продолжателя дела Ленина, лучшего кормильца нашей великой социалистической страны, нашей миллионной партии, нашего миллионного рабочего класса, устами этого лучшего и великого заветы Ленина. Мы, товарищи, с гордостью верем памятью Ленина можем сказать: мы эту клятву выполняем, мы эту клятву и впредь будем выполнять, потому что клятву эту дал великий стратег освобождения трудящихся нашей страны и всего мира — тов. Сталин.

Мы сумеем вопросы теории марксизма-ленинизма поднять на должную высоту

И сейчас, когда «идея штурма зреет в сознании масс», когда во всем мире поднимается волна революционных боев, мы должны еще лучше, еще яснее понимать, какое могучее оружие дали Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин международному рабочему движению.

Наша страна — единственное отечество мирового пролетариата

Надо быть слепым, чтобы не видеть, что мы по-настоящему, не на словах, а на деле зажигаем пожар мировой революции.

Наша страна — единственное отечество мирового пролетариата

Надо быть слепым, чтобы не видеть, что мы по-настоящему, не на словах, а на деле зажигаем пожар мировой революции.

Мы сумеем вопросы теории марксизма-ленинизма поднять на должную высоту

И сейчас, когда «идея штурма зреет в сознании масс», когда во всем мире поднимается волна революционных боев, мы должны еще лучше, еще яснее понимать, какое могучее оружие дали Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин международному рабочему движению.

У ДОМА СОЮЗОВ.

Рисунок С. Фотенского.

ЛУИ АРАГОН "ТАК ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ И ЖИТЬ"

„Я помню, как в начале этого года во Франции нас громко поразила весть о том, что провокатор Бонфанта собрался убить нашего товарища Марселя Нашена. Я вспоминаю, как ответил французский рабочий класс делу Бонфанта. Я разработал огромное количество писем, полученных нами в «Юмента»: они говорили не только о возмущении, но и о решении протестовать. Присылаю имени Марселя Нашена, который тогда был объявлен французской компартией, вставших со дня новых боев, вставших под знамена Маркса, Ленина, Сталина.

И не могу не думать об этом в Москве, в дни траура по товарищу Кирове. Я не могу не думать о наших делах в борьбе с фашистами. О митинге в Вильно, о героической матери, о том, что у гроба своего сына она, как горьковская мать, встала в партию. О шести убитых товарищах, которых мы провозгласили на набережной Сены до кладбища Пер-Лашез. Мы были 150 тысяч! О шифре такси, погибшем в тюрьме, за гробом которого складили такси, бриками сирен скандируя наш революционный крик: Советские постою!

ЖАН-РИШАР БЛОК НАШИ ВОЖДИ — ВАШИ ВОЖДИ

Слово «инструктор» применяется в СССР только в отношении капиталистов. На ваших заводах есть много рабочих и техников, приехавших из других стран. Товарищи, развивающиеся в Советском союзе, настолько не чувствуют их чужими, что выбрали многих из них своими делегатами в Советы.

Боль, которую причиняет мне смерть Кирова, — не базильное слово. Это — глубокое сочувствие в самом подлинном смысле слова. Зарубежные ваши друзья, которые, как и я, никогда не встречались и не слышали вашего товарища, знают, что они потеряли в нем руководителя и друга. Его уход для нас тоже же горе, как и для вас. Но горе не отчаяние. Покаяние — покаяться и прощание. Покаяние? Почему? Не будет ли это актом возрождения темных примитивных страстей, фанатически призывающих кривая за кривой? Этот ударом наши общие враги стремятся поразить самую революцию, распространить панику и отчаяние. Это было их ответом на победу социалистического строительства. Покаяние за смерть Кирова это не значит следовать элементарному фетишизму. Это значит — защищать самое для нас драгоценное, что есть в мире — СССР.

ПОЛЬ НИЗАН ПОСЛЕ СМЕРТИ КИРОВА

Я видел, как парижская толпа окружала группы великих людей. Десятки тысяч человек собралось вокруг знаменитых мертвецов. Это было лишь предлогом для того, чтоб попасть в богатые дома и посмотреть, похорон ли траур «великих мира сего» на горе Бельвю. Это не почесть, а лобопачество. Здесь, в Москве, когда сплоченные массы рабочих идут в снежной тьме ночи к Колодезному заду, где лежал Ленин, сильнее, чем где бы то ни было, чувствуется отголосок боли, которая разделяет мертвую цивилизацию Запада от новой цивилизации социализма. Запад не верит тем «великим» людям, которых фабрикует капитализм. Он их не любит. Ни одного дружного порыва в их сторону. Огромное безразличие масс.

В Ленинграде, в Москве миллионы людей почувствовали огромную общую слякку — в жизни, в действиях, в горести, — потому что один из их руководителей, один из них, убит. Скорбь и твоя мощной волной прокатилась по всему Союзу. Эта волна, сильнейшая масса вокруг партии, хлынула далеко за пределы СССР. Коммунисты Китая, Германии, Испании и Франции чувствуют, что их глубоко потрясла смерть Сергея Мироновича. И они полны жажды мести и борьбы.

Наша страна — единственное отечество мирового пролетариата

Надо быть слепым, чтобы не видеть, что мы по-настоящему, не на словах, а на деле зажигаем пожар мировой революции.

Мы сумеем вопросы теории марксизма-ленинизма поднять на должную высоту

И сейчас, когда «идея штурма зреет в сознании масс», когда во всем мире поднимается волна революционных боев, мы должны еще лучше, еще яснее понимать, какое могучее оружие дали Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин международному рабочему движению.

Наша страна — единственное отечество мирового пролетариата

Надо быть слепым, чтобы не видеть, что мы по-настоящему, не на словах, а на деле зажигаем пожар мировой революции.

Мы сумеем вопросы теории марксизма-ленинизма поднять на должную высоту

И сейчас, когда «идея штурма зреет в сознании масс», когда во всем мире поднимается волна революционных боев, мы должны еще лучше, еще яснее понимать, какое могучее оружие дали Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин международному рабочему движению.

Наша страна — единственное отечество мирового пролетариата

Надо быть слепым, чтобы не видеть, что мы по-настоящему, не на словах, а на деле зажигаем пожар мировой революции.

Мы сумеем вопросы теории марксизма-ленинизма поднять на должную высоту

И сейчас, когда «идея штурма зреет в сознании масс», когда во всем мире поднимается волна революционных боев, мы должны еще лучше, еще яснее понимать, какое могучее оружие дали Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин международному рабочему движению.

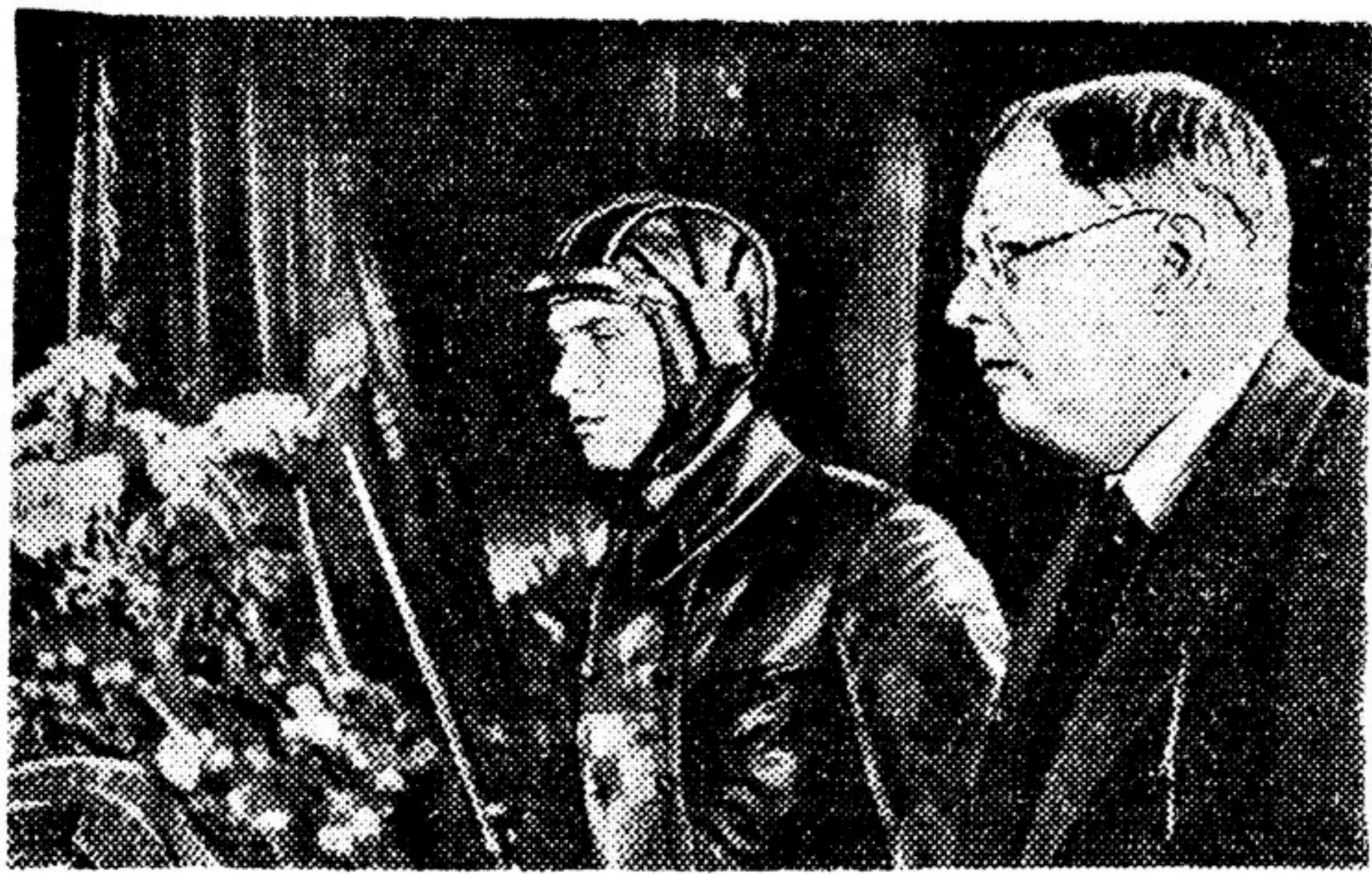
Наша страна — единственное отечество мирового пролетариата

Надо быть слепым, чтобы не видеть, что мы по-настоящему, не на словах, а на деле зажигаем пожар мировой революции.

Мы сумеем вопросы теории марксизма-ленинизма поднять на должную высоту

И сейчас, когда «идея штурма зреет в сознании масс», когда во всем мире поднимается волна революционных боев, мы должны еще лучше, еще яснее понимать, какое могучее оружие дали Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин международному рабочему движению.

ПУТИЛОВЦЫ ВСПОМИНАЮТ

Ал. ТОЛСТОЙ в почетном карауле у гроба С. М. КИРОВА во дворе Урицкого в Ленинграде.

КИРОВ И КНИГА БЫЛИ ДРУЗЬЯМИ

М. РАФАИЛ

Не стало Кирова. Классовый враг оборвал страстную жизнь организатора большевистских полков. Предательский выстрел навсегда оставил памянное сердце.

Не стало Кирова. Завывы и фабричные оделись в траур. Суровые лица бесконечных колонн проникли к скорбию. Сотни тысяч остро ощущают потерю близкого, родного, любимого Миронича. Беспредельна скорбь Ленинграда, беспредельна скорбь страны.

Киров — это имя с благоговением произносят старые закаленные пионерские пролетарии и лопари Большого полуострова, дети и школьники, танкисты и летчики, шахтеры Гдовских рудников и рыбаки Мурманского побережья.

Об этой жизни будут написаны книги, эта жизнь вдохновит пролетариев на новые битвы: писателей и художников — на великие творческие подвиги. Рабочие и колхозники, ученые и писатели, художники и представители искусства, — все, кому приходилось лично сталкиваться с Сергеем Мироничем, на всю жизнь останутся под впечатлением этих встреч.

В Смольный, в большой Кировский кабинет, приходили запросто люди с самыми различными нуждами и по разнообразным поводам. Каждый считал, что с Мироничем можно обо всем говорить, ему нужно все доверить, все рассказать. Он умел заниматься одновременно и крупнейшими государственными делами и вопросом о тонне гвоздей для новостроек. Он лично проверял не только крупные, но даже мелкие поручения.

О Кирове, как о строителе индустриализации, нужно писать особо и много. Он уделял огромное внимание не только предприятиям, но и лабораториям на заводах и в научно-исследовательских институтах. Он интересовался технологическими процессами очень многих производств. Он умел выводить из самых сложных положений заводы и отдельные отрасли промышленности. Его занимали особенно вопросы о пластмассах и об электромеханических колебаниях. Он лично присылал для переводов наиболее ценные книги, вышедшие на Западе.

Круг его интересов был необъятен. В последнее время он просил прислать ему книгу о митохондрическом излучении (работы профессора Гурвича), литературу об опытах Мичурина, о разведении пчел. Он предлагал готовить книгу о рыбном богатстве области — и сборники изобразительной статистики. Он не только селся за каждый новый художественный произведение, но и читал целый ряд произведений в рукописях. Узнав о подготовляемой к печати книге Ильина «Перестройка природы», он потребовал рукописи и прочитал ее еще до окончательной редакции. Его указания касались конкретно отдельных книг, отдельных авторов и писателей.

Наряду с интересом к творчеству писателя и к работе ученого он нередко лично заботился об улучшении их бытовых условий.

Достаточно было написать Сергею Мироничу об «Истории Севера», чтобы через несколько дней в повестке секретариата обкома прочтись пункт: «История Северного края». На

секретариате Сергей Миронич сразу поднял на огромную высоту вопрос об истории Севера, указав, что нужно отпустить соответствующие средства, подобрать лучших писателей и ученых и показать Север до и после Октябрьской революции.

Он находил время прочитывать выходящие книги по «Истории заводов». Читал и давал указания о книгах Павлина, Завладова, о «Бедоморском канале».

В центре его внимания была детская литература. Он требовал особого внимания к детской книге и лично отмечал каждое новое достижение в этой области. Он по-особенному тепло воспринимал конкурсы детских зарисовок и специально говорил об этом на последней партийной конференции. Много раз он ставил вопрос о качестве стабильных учебников для школ и личным участием помог их выпустить в срок. Можно было констатировать о делах, которыми лично занимался Сергей Миронич. Его любимое выражение было — «у нас нет маленьких дел, все, что мы делаем, должно укреплять строительство социализма».

Принят время — и будет написана революционная летопись этой выдающейся жизни и будет рассказано на всех языках необъятного Советского союза о великом сыне нашей партии — Сергее Мирониче Кирове.

В анналах мировой истории имя его будет сохраняться в веках в ряду лучших борцов за социализм.

Р Б А У З Е

На Красную площадь пронесут урну с прахом Сергея Миронича Кирова.

...Трудно говорить... Трудно писать воспоминания о Кирове. Еще нет слов — простых, точных, твердых. А о Кирове хочется говорить такими словами.

Партия направляла меня на разные участки работы. И в Псковском окружном комитете, и в редакции газеты, и в Оргкомитете ленинградских писателей, и в Радиокomiteте, — всюду мы видели, чувствовали инициативу, руководство, помощь Сергея Миронича Кирова.

Киров был замечательным вождем строителей социализма и социалистической культуры. Друга — чуткого, внимательного, любимого потеряла литература и искусство. Киров всегда был в курсе литературных и театральных дел нашей страны и нашего города Ленинграда.

...Только вышли из печати панфлеты «Бруски». Киров прочел уже эту книгу. Он рассказывает о ней на заседаниях бюро горкома партии. Он советует членам бюро прочесть роман, отображающий процессы, происходящие в деревне.

...Редакция «Красной газеты». Уже поздно... Звонит смольнинский вертушка: говорит Киров. Он только что просмотрел сценарий театра. Он указывает на ошибку режиссера, писавшего накануне об этом спектакле...

...На Красной площади будут хоронить Сергея Миронича Кирова. Трудно писать. Трудно говорить.

«Нарвскому району, Путиловскому заводу, сотням тысяч нарвских пролетариев. Сергей Миронич делал исключительное внимание» — вспоминают путиловцы большевистского завода, склоненные у гроба великого большевика, и сразу захотелось поехать на завод, распросить рабочих о Кирове, узнать, чем дышит шеха, мастерские и лаборатории.

... Во дворе Урицкого, в комнате почетного караула, молча стоят пожилые, уставшие люди. Я узнаю старых путиловцев. Здесь не разговаривают, здесь почти не плачут, но мертвенная бледность на лицах, пятна лихорадочного румянца на щеках говорят о волнении и тревоге. Высокая женщина с юрчиловским знаком на груди выныкает из толпы на длинном списке. Командир-пограничник стрит наряд почетного караула. Минуту смолкает оркестр, но по телам от музыки слышны еще стекают по капле последние звуки похоронного марша. Командир берет под козырек. Медленно приближается к гробу почетного караула к открытым гробу. Женщина плачет, уткнувшись в плечо соседки. Шуршат путиловские знамена. Нет, как ни тяжело, надо уйти из этого зала!

Новая смена уже стоит у Путиловских проходных ворот. О чем говорят в этой смене, что вспоминают рабочие об ушедшем воле? Трудно пробиться по улицам, черным от отсвета знамен и дымящих от пламени факелов. Только через два часа удается дойти до Путиловцев.

Завод в трауре. Говорят только о Кирове и узнают, что я приехал из Дворца Урицкого, начинают расширяться о траурном шествии, о почетном карауле, о последних тасовских телеграммах. В редакции заводской газеты светло и шумно. Рабочие на ходу пишут заметки и сразу же их превращают в статьи. Старые производственники приносят воспоминания. Телефон звонит беспрерывно.

О десятках встреч с Кировым рассказывает товарищ Баранов, но меня уже ждут в другом конце завода, и я наскоро прощаюсь и тороплюсь в ремонтно-строительный цех.

... Начальник ремонтно-строительного цеха тов. Елизаров тоже был знаком с Сергеем Мироничем, но это было знакомство совсем другое: Елизаров был соседом Кирова по дому. Случайно познакомившись с Елизаровым, Сергей Миронич спросил:

«Хорошие огурки?» спросил, улыбаясь, Сергей Миронич. Оказалось, что Сергей Миронич только что вернулся из Хинногорска, где нашел интуриста-интуринда, умудрившегося зимой выращивать огурки в полярной столице. И не только нашел, но и находил время помогать ему, интересоваться дальнейшей работой.

Баранов вспоминает, как поехал он однажды с Сергеем Мироничем в большой ленинградский завод, где производили испытание ответственной детали. Деталь эта была сильно погнута и ее никак не могли выпрямить. Собственно говоря, деталь была плоха и ее попросту следовало выбросить, но заводские инженеры все еще старались доказать, что конструкция хороша и выпрямить ее можно без особого труда.

Сергей Мироничу не понравилось это, он посмотрел на Баранова, прищурив глаза, и тихо спросил: — Что вы думаете об этой детали?

Баранов подумал минуту и сердито ответил: — Я думаю, что ее надо перевернуть и давить с другой стороны. Если лопнет, тем лучше.

Киров посмотрел еще раз на Баранова, улыбнулся своей доброй, ласковой улыбкой, которую так хорошо знали ленинградские большевики.

— Я только что подумал об этом же самом. О десятках встреч с Кировым рассказывает товарищ Баранов, но меня уже ждут в другом конце завода, и я наскоро прощаюсь и тороплюсь в ремонтно-строительный цех.

... Начальник ремонтно-строительного цеха тов. Елизаров тоже был знаком с Сергеем Мироничем, но это было знакомство совсем другое: Елизаров был соседом Кирова по дому. Случайно познакомившись с Елизаровым, Сергей Миронич спросил:

«Хорошие огурки?» спросил, улыбаясь, Сергей Миронич. Оказалось, что Сергей Миронич только что вернулся из Хинногорска, где нашел интуриста-интуринда, умудрившегося зимой выращивать огурки в полярной столице. И не только нашел, но и находил время помогать ему, интересоваться дальнейшей работой.

Баранов вспоминает, как поехал он однажды с Сергеем Мироничем в большой ленинградский завод, где производили испытание ответственной детали. Деталь эта была сильно погнута и ее никак не могли выпрямить. Собственно говоря, деталь была плоха и ее попросту следовало выбросить, но заводские инженеры все еще старались доказать, что конструкция хороша и выпрямить ее можно без особого труда.

Сергей Мироничу не понравилось это, он посмотрел на Баранова, прищурив глаза, и тихо спросил: — Что вы думаете об этой детали?

Баранов подумал минуту и сердито ответил: — Я думаю, что ее надо перевернуть и давить с другой стороны. Если лопнет, тем лучше.

Киров посмотрел еще раз на Баранова, улыбнулся своей доброй, ласковой улыбкой, которую так хорошо знали ленинградские большевики.

— Я только что подумал об этом же самом. О десятках встреч с Кировым рассказывает товарищ Баранов, но меня уже ждут в другом конце завода, и я наскоро прощаюсь и тороплюсь в ремонтно-строительный цех.

... Начальник ремонтно-строительного цеха тов. Елизаров тоже был знаком с Сергеем Мироничем, но это было знакомство совсем другое: Елизаров был соседом Кирова по дому. Случайно познакомившись с Елизаровым, Сергей Миронич спросил:

Народная артистка КОРЧАГИНА-АЛЕКСАНДРОВСКАЯ в почетном карауле у гроба С. М. КИРОВА во дворе Урицкого в Ленинграде.

ПРОТИВ БЛАГОДУШИЯ

А. ЛЕИТЕС

Мы — трудящиеся страны Советов — научились любить жизнь, радоваться ей, гордиться ею. Мы советские литераторы, старались найти достойные слова, чтобы рассказать об этой радости, любви и гордости. Полной грудью выдыхая воздух социалистической действительности, которую завоевала и утвердила великая партия Ленина и Сталина, чувствуя те подлинно высокие, какими называлась наша жизнь, ощущая на днях в день расставания с великими массами и крепнущее могущество нашей родины, мы жалели только об одном, что слишком белили и ограничили тот словарь бодрости и жизнеутверждения, какой достался нам от старого человечества. К этому действительному гримасничеству, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить, — однодушное повторили мы вслед за ним, соратником Сталина. В дни писательского съезда подходили к нам иностранные собратья по перу и неуверенно говорили: «Вы создаете совершенно новую литературу, литературу счастья».

Каким огромным вниманием окружена во всем мире та историческая вышка, на которой мы живем и работаем! Вниманием миллионов друзей и... вниманием врага, мерзкого, притаившегося, неспособного поспорить с нами в лицо, способного злодейски целить только в затылок. «Надо быть слепым, чтобы не видеть, как сейчас весь земной шар раскололся на два гигантских, но не равных полушария. На одном — ночь, запустение и мертвое слово: смерть. На другом — жизнь, работа и победное слово: вперед к новой жизни!» — Капиталисты не дремлют, не зная, что из нас выйдут все новые и новые методы и способы, чтобы противостоять нарастающей, растущей и крепнущей нашей социалистической стройке, совсем недавно, несколько недель тому назад, эти слова проносились тот, чей прах сегодня под звуки похоронных маршей мы отдаем почетной Кремлевской стене.

...Н в эти дни, когда над гробом Сергея Миронича Кирова вся страна единодушно демонстрирует свою преданность партии и любимому Сталину, мы полным голосом напоминаем всему миру, что научившись любить и радоваться, мы отнюдь не разучились ненавидеть. У всех нас сейчас, как правильно сказал один из писателей, появилось «ощущение фронта». Проверим же сегодня победою нашу работу. Почетная работа на исторической вышке, наполняющая каждое наше слово огромным весом. Не забудем же, что и ответственна она в такой же мере. Достаточно ли объективны мы той действительности, какая должна быть прусса пограничникам истории? Не появились ли у кое-кого из нас — литераторов? — недопустимые нотки благодушия? «Личная жизнь», «красивая жизнь» — эти слова в последние годы становились темой наших стихов, пьес, повестей, наших критических статей и литературных дискуссий.

Мы завоевали право на эти слова и на эти темы. Весь вопрос лишь в том, как их трактовать, как преподнести. Разве не почувствовали мы в эти дни скорби и гнева, с особой остротой и глубиной, что личная жизнь человека не ласково, неразрывно связана с жизнью лучших людей нашей партии? Разве не ощутили мы в той мере и той степени нашу жизнь достойна называться красивой, в какой она приближается к стилю жизни и работы большевиков, каким был Киров и другие люди сталинской складки, сталинской революционной целеустремленности. Нет и не может быть у каждого советского писателя представления о красивой жизни и о насущном личном счастье вне связи с жизнью лучших большевиков, борющихся за наше коммунистическое будущее? Будем ли охранять как зеницу ока поле битвы жизни наших поколений, — восхитили герои Советского союза, получившие известие о выстреле в Смольном. Разве не отозвался у всех нас в сердцах этот пламенный призыв, вплотную подымавший перед нами, работниками художественной литературы, один основной деловой вопрос: как найти слова простые, скромные и великие, которые рассказали бы массам о сложной и полноценной жизни этих людей, дорогих нам, как боевые знамя? Мы не знаем споров о проблеме полноценного художественного образа. Мы ищем героического искусства, шекспировских образов, простых и ясных слов, которых требуют от советского художника миллионы массы читателей. Мы отмечаем великодушное рассуждение обязательности критикой, которые все литературные темы нашего сегодня готовы сыграть и вопросу: бороться или не бороться? Когда и как победить? Мы отмечаем все деловые лирические заветы и поощряем на практике показывать жизнь и борьбу таких людей, каким был Сергей Миронич Киров, мы покажем, как он умел каждую маленькую деталь связывать с большими задачами. Здесь возникает большое искусство. Здесь создается те простые, скромные и большие слова,

какими сейчас множество трудящихся вспоминают о Кирове, о сыне партии и Ленина, о Кирове — военном командире, о Кирове — руководителе социалистических строев от Баку до Ленинграда...

Сегодня лучшие советские художники жадно слушают эти слова, полные любви, скорби и гнева, вдумываются в детали жизни таких людей, как Киров, и не могут не чувствовать, что именно здесь лежит подлинная дорога нашего большого искусства. Она идет «Чашаевым», этим образом социалистического реализма и она пойдет, эта дорога — в этом не может быть сомнения — вперед и выше. Она пойдет, чтобы рассказать далеким векам о жизни наших лучших современников, о жизни соратников Сталина, неустранимых командиров, руководителей битвми времен первой и второй пятилетки. Но наше искусство, которое расскажет грядущим читателям о наших годах, должно запечатлеть для них не только нашу огромную любовь, радость и бодрость, но и сегодняшний наш гнев и нашу крепко отточенную ненависть. Оно должно учить массы этой ненависти к врагу. Оно ни на один момент не должно усматривать наших обаятельных настроений. Мы должны научиться показывать врага так, как он этого заслуживает.

Когда-то, в древние времена ассирийские художники, воспевая свои битвы, умели показывать своих героев полными красками, подчеркивая каждую деталь их характера. Для своих врагов они придумывали эстетическую муть. Они никогда не смаковали изображение своих врагов. Разве не бывали случаи, что ныне художники в нашей среде оказывались «ассирийцами на выворот»?

...Но бывали и такие художники (и не меньшим позором было их заклеймить), которые, изображая наших борцов, совершенно забывали о враге. Как будто враг не притаился! Как будто его нет совершенно! Они «лепели» в своем воображении прямо в бесклассовое общество.

«Некоторые товарищи», — указывал Сталин в своей речи об итогах пятилетки, — понадеялись на унаследованные классовые, как оправдание лени и благодушия, как оправдание контрреволюционной теории потухания классовых борб и ослабления государственной власти. Нечего говорить, что такие люди не могут иметь ничего общего с нашей партией. Это перерожденцы, либо левтринисты. Которых надо гнать вон из партии. Надо иметь в виду, что рост мощи Советского государства будет усугублять сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить к другим, более резким формам насков...»

Вот почему революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам.

Разве не следует проверить наши литературные ряды с точки зрения этих решающих указаний вождя? Не подменяли ли кое-где в литературе великая любовь к нашей родине беспредельным телячьим восторгом? Мы все помним, как сурово осудил Сталин всех тех, «кто приходит в телячий восторг в ожидании того, что скоро не будет никаких классов, значит не будет классовой борб, значит не будет забот и тревожности, значит можно сложить оружие и пойти набокую спать в ожидании пришествия бесклассового общества».

Большое искусство в наши дни должно отвести от себя все теплое, все благодушное, все охваченное «телячьим восторгом». Оно покажет, как раставила была наша жизнь в годы второй пятилетки... Но оно покажет и пулю, которая пробивала затылок Металлического человека. Ибо должна же знать молодежь, которая не имеет никакого представления о старом мире, как мерзак, знамя и подлы его последние отпрыски.

Мы научились любить нашу жизнь и радоваться ей. Но мы не разучились ненавидеть тех, кто попытается вернуть потерю нашей жизни. Только советская большевая любовь со страстной ненавистью, создадим мы искусство, достойное того, чтобы рассказать о лучших большевиках нашей страны и о той нашей жизни, за которую они жили и боролись.

Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Стрелецкая, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Стрелецкая, Последний пер., д. 26, тел. 4-68-18 и 5-54-69.

Гипсовая маска, снятая с С. М. КИРОВА. Работа скульптора МАНИЗЕРА.

Поэт-рабкор Ал. Соловьев читает стихи, посвященные памяти Кирова: Иа-аа ушла алейской рукою Тривун и вождем неожиданно был убит.

По всей стране печаль пропала воякою, О нем сегодня вся страна скорбит.

По просветился враг. Рабочий класс не дрогнет. Знамена наши, взвейтесь над миром! Да, скоро будет наш последний бой.

Мы будем биться, как товарищ Киров, За торжество коммуны мировой. Звоню инженеру Баранову, невольно награжденному орденом Ленина: он часто встречается с Кировым. Выхожу из редакции. Меня догоняет молодой рабочий. В руках у него матые, серые странники. Узнаю по особому расположению строк, что здесь записаны стихи. Стихи вложили, но сколько в них сильной, глубокой, но чуждой и верной любви! Быстро показывая, как надо вычитать стихи, и бегу в лабораторию. Небольшая тихая комната. Молодой высокий инженер просматривает английский технический журнал.

— Тов. Баранов? Человек, прославившийся работой на качественном станке, смотрит на меня внимательно и трезво.

— Помните! Очень трудно, — говорит он. Киров не был для него чужим человеком. Совсем еще недавно на заседании в Кремле тов. Сталин спросил Баранова, кто помог ему в работе.

— Лучше и больше всего помог мне тов. Киров, — отвечал Т. Баранов. Сергей Мироничем любил молодого талантливый инженер и часто встречался с ним. Баранов рассказывает о встречах с Кировым, и как ясно вырисовывается образ вождя в его немногословных фразах.

— Больше всего поражала в нем воля и разносторонний глубокий интерес к людям, — говорит тов. Баранов. Он вспоминает, как однажды зимой приехал в Смольный. Сергей Миронич встретил его своей обычной тихой улыбкой и сразу же начал показывать огромные вельветые огур-

— Откуда вы? — С Путиловки, — ответил Елизаров. — Член партии? — Член партии. — Будем знакомы, — улыбнулся Киров.

С тех пор, встречаясь с Елизаровым, он всегда беседовал с ним, рассказывая о заводе. Однажды летним вечером Елизаров встретил Сергея Миронича у Фрунзево моста. Был теплый летний вечер. Но Неве шли пароды. Экскурсанты уехали за город. Сергей Миронич шелшком возвращался домой из Смольного. Он устал, должно быть, после напряженной и долгой работы и медленно шел

говоря в заводской газете старший мастер котельного цеха Рыжов: — Мне уже скоро 60 лет, много я видел и пережил на своем веку, но такое горе, как теперь, переживал только во время смерти Владимира Ильича. Сейчас я плачу сердцем, плачу и думаю о творческой самоотверженной работе — вот все, что требуется от каждого большевика (Киров). Этой самоотверженной работе и я хочу отдать все свои силы и, вступая в партию Ленина, буду бороться за мощь и величие нашей родины.

Старые рабочие Красного Путиловца просят переименовать Нарвский район в Кировский. Сколько воспоминаний, красочных, ярких есть у кировец о своем погибшем вожде. Вот старый производственник, парторг Франц Гач вспоминает партийные собрания 1926 года, когда Киров громил оппозицию. Вот старый рабочий Волынец рассказывает, как «во время его речи неоднократно сдерживали мы внутреннюю дрожь, смахивали слезы и уходили зарывались на долгое время отнюдь не неуважительно в силу рабочего класса — творческие способности». Вот известный всей стране инженер Гер-Асатуров вспоминает, как Сергей Миронич помог выполнить программы в 32.000 тракторов. Вот участник гражданской войны Келевников говорит о первой встрече с Кировым на астраханском фронте. Воспоминания рабочих о Кирове надо немедленно собирать и издать отдельной книгой. Эта книга будет не только замечательным литературным памятником: она станет учебником, по которому лучшие коммунисты будут учиться сложной науке большевистского руководства.

«Я ухожу с Путиловки ночью. За Нарвской заставой пылают огромные электрические зарево, гремят поезда. Длинная цепь грузовиков пробегает по улице Стачек. Заводское сердце Ленинграда не дрогнуло ни на минуту. И можно ли забыть суровые слова этой планеты путиловцев, словно набат, гремящий над городом стали и чугуна. «Клянемся, что будем с честью носить великое и слабое имя Ленина».

Мне трудно со словами, я не сумею передать моей скорби в эти также для смерти товарища, светлое имя которого останется в веках.

Может быть, нужны стихи потрясенной силы или музыка гениального композитора, чтобы рассказать об утрате.

Всю силу нашего гнева и проклятия хочу обрушить я на головы врагов. Хочу поднять словами возмущение моего века, кто живет и работает во имя величайших идей социализма.

Киров погиб. Миллионы рук трудящихся поднимают знамя и еще уверенней и тверже пойдут к цели своей. Мы не хотим и не знаем уныния, и скорбь наша свидетельствует о готовности пролетариата бороться до конца за великое счастье труда, правды и справедливости. И на знаменах наших будет сверкать дорожное нам имя Сергея Кирова.

Ленинград.

ПИСАТЕЛИ В ПОЧЕТНОМ КАРАУЛЕ

Третьего дня вечером в Доме Советов в почетном карауле у гроба тов. С. М. Кирова стояла делегация советских писателей в составе тт. В. Е. Ильина, М. Х. Кольцова, В. Бахметьева, Л. Леонова, Ф. Верезовского, И. Веселова, В. Вржидлова, В. Пастернака, В. Липина, С. Третьякова, А. Караваева, И. Вабеля, А. Щербакова, М. Зеньковича, И. Липина и С. Кирова.

На гроб тов. Кирова возложен венок от имени Союза советских писателей СССР.

ХУДОЖНИКИ У ГРОБА

Для зарисовок товарища Кирова в гробу, урна с его прахом и траурного шествия к месту погребения Московским союзом советских художников выделены две бригады художников. В бригады вошли художники: И. БРОДСКИЙ, И. МАШКОВ, Г. РЯЖСКИЙ, С. ГЕРАСИМОВ, А. ГЕРАСИМОВ, А. ВОЛЬТЕР, А. ЛЕНТУЛОВ, Ф. БОГОРОДСКИЙ, Е. НАЦМАН, Б. ЮГАНСОН, Ф. ЛЕХТ, А. ГРИГОРЬЕВ и др.

ПАМЯТИ КИРОВА

— Сборник, посвященный памяти великого пролетарского трубауна С. М. Кирова, в удачном порядке выпускает ленинградский Союзгиз. В сборнике входит обращение ЦК партии, некрологи и отклики партийной и советской общественности на смерть С. М. Кирова, помещенные в печати в траурные дни. Среди них — статьи писателей А. Толстого, К. Фелина, Н. Тихонова, К. Соболева, стихи А. Прокофьева и В. Рождественского. В сборнике напечатаны также статьи Мануйловского, Григорьева, Рафаэля и др.

— В ленинградском отделении издательства «Молодая гвардия» выхо-

дит сборник речей и высказываний С. М. Кирова о комсомоле.

— Ленинградский ИЗОГИЗ начал работу по изданию большого альбома памяти С. М. Кирова. Для выпуска альбома создается бригада художников во главе с засл. деятелем искусств И. Бродским. Прислужено к подбору иконографического материала (работы художников и фото), характеризующего жизнь и работу С. М. Кирова.

— Ю. Либелинский пишет для издательства «Молодая гвардия» книгу, которая должна быть литературно-политическим портретом С. М. Кирова. В ближайшее время книга будет сдана в производство.